

Часть 2. ИСТОРИК И ЕГО ВРЕМЯ: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ БИОГРАФИЯ В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

П.В. Акульшин (Рязанский ГУ им. С.А. Есенина),
А.С. Соколов (Рязанский государственный
радиотехнический университет)

С.Д. Яхонтов: провинциальный историк в эпоху перемен

История относится к числу наук наиболее тесно и непосредственно связанных с переменами в жизни общества, которые влияют на судьбу исторических концепций и их носителей. Об этом убедительно свидетельствует судьба российских историков конца XIX – начала XX в. Изменения пореформенной эпохи вели к смене социальных и историографических парадигм. На смену носителям дворянской культуре «золотого века» приходили разночинцы. Те из них, кто дожил до последних десятилетий позднеимперского периода, пришлось стать участниками свидетелями трех русских революций, полностью изменивших облик страны. То, как эти социально-политические перемены отразились на судьбах российских историков, в последние десятилетия интенсивно изучает отечественная историография. Закономерно, что это рассматривается, в первую очередь, на примере личной и творческой судьбы наиболее крупных представителей академической и университетской науки.

Но кроме этих корифеев отечественной исторической науки существовали другие их коллеги и современники, говоря языком литературоведов «второго и третьего плана». Их вклад в историографический процесс был не так заметен, как у их великих современников, но без них невозможно представить пространство отечественной исторической науки. Вклад в его формировании и развитии этих рядовых тружеников науки состоял не только в исследовательской деятельности, но и в педагогической деятельности, которая способствовала распространению отечественной гуманитарной традиции.

Одним из представителей таких провинциальных историков являлся Степан Дмитриевич Яхонтов (1853–1942), яркий и в то же время типичный представитель отечественной разночинной интеллигенции второй половины XIX – начала XX в. Основные научные интересы С.Д. Яхонтова были связаны с историей Рязанского края и, в особенности, его церковной жизни. Начав путь

исследователей в Московской духовной академии с изучения Питирима Нижегородском и полемической антираскольничей литературе XVII – начало XVIII вв., он до последних дней жизни занимался в самом широком плане изучением истории Рязанской епархии. В его архиве сохранились неопубликованные рукописи по истории Рязанского архиерейского дома и материалы к ним, составляющие 12 объемистых дел общим объемом около 1500 листов. Эти материалы собирались на протяжении 50 лет и включали самые разнообразные источники: письменные, вещественные, изобразительные, этнографические, археологические. Сохранились отдельные законченные главы этого исследования: «Соображения о времени постройки архиерейского дома», «Княжее место в Кремле», «Постройки на архиерейском дворе», «Архиерейские певчие (хор)», «Размеры епархии XVII–XVIII вв. (архиерейская вотчина)». Подробно описывался быт архиерейского дома, взаимоотношения духовенства со светской властью, особенно во времена петровских реформ. Отдельные разделы были посвящены биографиям и деятельности отдельных рязанским архиереям и священнослужителям: «Гавриил Бужинский, епископ Рязанский», материалы к биографии епископа Димитрия Сперовского, протоирея Виноградова, митрополита Феофила Русакова. Предметом всестороннего изучения являлась для С.Д. Яхонтова деятельность митрополита Стефана Яворского.

Взгляды и убеждения С.Д. Яхонтова сложились в 1880-е гг., уже в 1900-х гг. они казались младшим современникам архаичными и консервативными. Для Рязани 1930-х гг. он был случайно уцелевшим остатком давно ушедших эпох. Но он никогда не отказывался от разночинского взгляда на мир, состоящего в том, что «лень – мать всех пороков, и для ее изжития надо изменить режим общественной жизни».

Работал С.Д. Яхонтов в традиционном для исследователей середины XIX в. духе, который он усвоил во время учебы в Московской духовной академии. Медленная и кропотливая работа по накоплению и обработки материала и еще более неторопливая публикация ее итогов, большая часть из которых так и осталась в рукописях.

С.Д. Яхонтов обладал большими научными и общественными связями, выходящими за рамки Рязанской губернии. Позднее он вспоминал: «Каждому Всероссийскому археологическому съезду предшествовал... предварительный съезд, обычно в Москве, у графини Уваровой... Там завязывались знакомства и связи с научным миром... а на самих съездах они закреплялись и иногда так тесно, что оставались на всю жизнь».

Другого способа и места знакомства с плеядой ученых... для нас – провинциалов не было... Кроме заседаний и общих посещений, члены также сближались, так сказать, частным образом. Членам съезда предоставлялись... казенные квартиры-общежития... Здесь душа нараспашку – споры, разговоры... Я всегда обогащался знаниями... в этой частной аудитории... в общей экономии моих духовных сил археологические съезды были особенно благотворны».

Судьба не раз наносила С.Д. Яхонтову тяжелые удары. Он потерял двух из четырех сыновей. В 1903 г. умер от тифа его сын первоклассник Сережа. Смерть его отец, как видно из дневников, переживал трудно, мучился чувством вины перед ребенком. В 1915 г. на фронте погиб другой сын Мстислав. В 1921 г. умерла, не вынеся тягот голода, жена Мария Петровна. Остаток жизни он провел с единственной дочерью Верой, так и не вышедшей замуж. Помимо череды личных неурядиц в преклонном возрасте провинциальный историк испытал последствия социальных катаклизмов, переживаемой российской общественностью. Переступив рубеж 75 лет, он был обвинен в похищении музейных экспонатов и профессиональной некомпетентности, ему пришлось пережить два обыска и арест.

После смерти С.Д. Яхонтова значительная часть личных бумаг в конце 1945 г. был передан его родственниками в Государственный архив Рязанской области, у истоков создания которого он и стоял. Этот фонд в марте 1964 г. дополнили документами, переданными на хранение Н.С. Яхонтовым, сыном историка. Последнее поступление в него датировано в мае 1970 г. В настоящий момент фонда включают 126 дел за 1874-1966 годы. Собранное в нем документальное наследие С.Д. Яхонтова и, прежде всего, его обширные воспоминания, охватывающие период с середины девятнадцатого века и вплоть до кануна Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., являются уникальным источником для изучения переходных периодов отечественной истории и судьбы носителей профессионального исторического знания.

Д.А. Будюкин (Липецкий ГТУ)

Монашество и монастыри в «Повести о рождении моем...» князя И.М. Долгорукова

Монастыри традиционно играют важную роль в поддержании социального статуса и коллективной памяти

аристократии. Вклад в монастырь не только является актом благотворительности, но также гарантирует донатору вечные молитвы о его душе монахов, по определению компетентных в молитве и поминании [Штайндорф Л. Монастырские вклады и поминание в Московском государстве. Явление средних веков или раннего нового времени? [Электронный ресурс. – URL: http://www.dhi-moskau.de/fileadmin/pdf/Veranstaltungen/2009/Vortragstext_2009-03-05_ru.pdf. С. 4 (дата доступа: 15.03.2012)]. При этом такая забота о спасении в традиционной социальной системе была еще и своего рода символическим капиталом, повышая престиж и социальную значимость самого вкладчика и его рода, а также транслируя память о нем будущим поколениям. Как престиж, так и трансляция памяти в сословном обществе особенно важны и значимы для дворянской элиты.

Система поминания, активно развивавшаяся в России в XV-XVI вв. и достигшая на рубеже XVI-XVII вв. своего расцвета, была сложной, разработанной и социальной востребованной. Она пришла в упадок в XVII в. лишь потому, что было невозможно включить еще большее количество имен в регулярное зачитывание поминальных списков. Кроме того, когда практика вкладов с целью вечного поминания в синодике перестала быть привилегией элиты, она потеряла свою привлекательность как символ престижа. Прошло сто лет с небольшим от первых признаков упадка элитной поминальной культуры до реформ Петра Великого, когда были найдены новые формы выражения престижа, а сам правитель отвел монастырям иную роль [Штайндорф Л. Монастырские вклады и поминание в Московском государстве. Явление средних веков или раннего нового времени? – URL: http://www.dhi-moskau.de/fileadmin/pdf/Veranstaltungen/2009/Vortragstext_2009-03-05_ru.pdf. С. 16 (дата доступа: 15.03.2012)]. Среди элиты традиционная православная культура поминания не исчезла полностью, но стала играть незначительную роль в кодексе поведения. Принимать участие в ней перестало считаться важным элементом престижа, и в XVIII в. «имя вкладчика утрачивает свой средневековый сакральный смысл» [Сукина Л.Б. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря: антропологический ракурс источниковедческого исследования // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: материалы IV Международной конференции. 29 сентября – 1 октября 2004 года. М.: Индрик, 2007. С. 155]. Для изучения факторов и последствий этого процесса имеет смысл

рассмотреть представления аристократа XVIII века о монастырях, монашестве и монастырском поминании.

Князь Иван Михайлович Долгоруков, автор обширных и подробных мемуаров, по рождению принадлежал к высшей аристократии, традиционно заинтересованной в монастырской коммеморации. Большинство его предков и родственников похоронены в московских монастырях – Богоявленском и Донском [Московский некрополь / Сост. В.И. Саитов, Б.Л. Модзалевский. В 3 т. Т. 1. СПб., 1907]. В Донском монастыре впоследствии были похоронены и он сам, и его дети. Когда его жена была тяжело больна, врач «однажды не обвиняя ее сказал, чтобы она готовилась в Донской, ибо он уж не знает никаких средств к ее спасению» [Долгоруков И.М., кн. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни... В 2 т. / Изд. подг. Н.В. Кузнецова, М.О. Мельцин. СПб.: Наука, 2004. Т. 1. С. 479] – значит, то, что в случае смерти ее похоронят именно в Донском, само собой разумелось. Его знаменитая бабушка княгиня Наталья Борисовна была схимонахиней, а дядя князь Дмитрий Иванович – послушником. Таким образом, монастыри должны были занимать важное место в жизни князя, и он вполне мог бы сохранить традиционные для его предков представления об аристократической *memoria* и о роли монастырей в ее поддержании.

В действительности анализ воспоминаний князя показывает совсем иную картину. Донской монастырь для него – просто родовое кладбище, очевидное и заранее известное место погребения его близких родственников, а впоследствии и его самого [Там же. Т. 1. С. 490]. Никаких представлений о том, что погребение в монастыре и поминание усопшего монахами увеличивают шансы на спасение души, в его мемуарах не прослеживается. Более того, будучи религиозным человеком [Подробнее см.: Мельцин М.О. Религиозное воспитание кн. И.М. Долгорукова // Социально-гуманитарные науки в XXI веке: мировоззренческие основы общероссийской идеологии: сборник статей и тезисов докладов международной научно-практической конференции. Май 2006. Липецк: ЛГТУ, 2006. С. 27-29], И.М. вообще относится к монашеству негативно. Рассказывая о Саровской пустыни, он пишет: «На что монастырь? На что монах? Покровительство праздности и тунеядству на счет слабоумных, кои, подавши на свечу гривну, думают закупить тем царство Божие» [Долгоруков И.М., кн. Указ. соч. Т. 1. С. 315]. И, «жели монастыри уже стали необходимы, то желательно, чтобы они все походили на Саровскую пустыню, ибо, быв в ней в разные

времена, нашел, что в числе монахов многие трезвы, не все воняют и ни одного нет ханжи» [Там же. С. 315]. Автор воспоминаний не понимает и не одобряет постригшегося в монахи дворянина [Там же. С. 364], несколько стесняется своих приятельских отношений с архимандритом Донского монастыря [Там же. С. 545]. И.М. интересуется старинными монастырями как объектами историко-культурного наследия, часто посещает их «не с тем, чтоб молиться» [Там же. С. 631]. При этом он нередко показывает свое раздражение по поводу богатства монастырей, обширности их владений, красоты занимаемых ими мест [Там же. С. 315]. Польза вкладов в монастыри для самого верующего и для общества ему непонятна [Там же. С. 475].

Таким образом, анализ «Повести о рождении моем...» кн. И.М. Долгорукова позволяет сделать вывод о том, что традиционные представления о монастырском поминовении не имеют для него никакого значения и, более того, совершенно им утрачены.

А.Н. Зарубин (Чувашский ГУ, Чебоксары)

**П.Н. Ардашев и Н.И. Никифоров:
к истории взаимоотношений учителя и ученика**

Дореволюционный историк П.Н. Ардашев (1865–1924) являлся типичным представителем научной школы В.И. Герье, продолжившим традиции последнего в области изучения истории и предыстории французской революции конца XVIII в. Взаимоотношения П.Н. Ардашева и В.И. Герье нашли уже отражение в некоторых публикациях [См.: Иванова Т.Н., Зарубин А.Н. В.И. Герье как «надёжный путеводитель» в научной карьере П.Н. Ардашева // Мир историка. Историографический сборник. Омск, 2010. С. 22-42. См. также: Иванова Т.Н. Владимир Иванович Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е XIX – начало XX века): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. Казань, 2011. С. 38-39], но совсем мало известно об учениках самого Ардашева. В данных тезисах анализируется воздействие Ардашева на научное становление и творчество его ученика Николая Ивановича Никифорова (1886–1951).

Будучи студентом Киевского университета, Никифоров активно участвовал в семинариях Ардашева и написал под его руководством сочинение «Государственные, сеньериальные и церковные повинности французских крестьян по наказам

Этампского бальяжа», которое было удостоено историко-филологическим факультетом золотой медали. В январе 1911 г. он был оставлен Ардашевым при кафедре всеобщей истории в качестве профессорского стипендиата. Летом 1911 г. по представлению историко-филологического факультета Никифоров был отправлен в заграничную командировку во Францию для сбора материалов для диссертации. По итогам командировки он опубликовал книгу «Сеньориальные повинности по наказам третьего сословия Этампского бальяжа в 1789 г.». В 1915 г. Ардашев намечал вторично отправить своего магистранта в командировку во Францию и Англию, но из-за военных действий этого сделать не удалось. Тогда Ардашев добился в 1915 г. для своего ученика назначения из средств Министерства народного просвещения командировки в Москву для сбора материалов к диссертации в библиотеках Московского университета и Румянцевского музея [Государственный архив г. Киева (далее в сносках – ГАК). Ф. 16. Оп. 465. Д. 1259. Л. 1]. После окончания командировки в 1917 г. Никифоров устроился работать исправляющим должность экстраординарного профессора Омского коммерческого института по кафедре всеобщей истории. Ардашев же, оставшись в Киевском университете, продолжал осуществлять свое научное руководство над исследовательской работой Никифорова, о чем свидетельствует активная переписка между учителем и учеником [См.: Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (далее в сносках – ИР НБУВ). Ф.1. Ед. хр. 9967, 9971. См. также: ИР НБУВ. Ф. 167. Ед. хр. 74]. В одном из писем из Омска в 1917 г. Никифоров писал: «Приношу Вам, глубокоуважаемый Павел Николаевич, искреннюю благодарность за Ваше... доброе отношение ко мне, за Ваше руководство моими научными занятиями и Ваши ценные для меня советы» [ИР НБУВ. Ф. 1. Д. 9974. Л. 16]. К сожалению, Никифоров не смог защитить магистерскую диссертацию при жизни Ардашева. Лишь в 1928 г. после дополнительной исследовательской работы в Парижском Национальном архиве он написал монографию «Сеньериальный режим во Франции в исходе старого порядка (преимущественно в Пуату)», которую в этом же году защитил как магистерскую диссертацию в Испытательной комиссии при Русской Академической Группе в Праге.

Исследования Никифорова были напрямую связаны с интересами самого Ардашева и продолжали разработку тех проблем, которые последний наметил в своих исследованиях. По вопросу о достоверности содержания наказов 1789 г. взгляды

Никифорова несколько отличались от взглядов учителя. Ардашев считал, что наказания «не выражали действительного настроения и нужд» народных масс и крестьяне в наказаниях преувеличивали ухудшение своего положения [Ардашев П.Н. Разбор книги А. Ону «Выборы 1789 года во Франции и наказания третьего сословия с точки зрения их соответствия истинному настроению стран» (СПб., 1908). СПб., 1909. С. 26]. Никифоров же считал, что крестьянские наказания отражали реальную историческую действительность и «нет оснований сомневаться в достоверности» содержащихся в них конкретных данных [Отчет о научных занятиях приват-доцента Университета Никифорова с 1-го января по 1 сентября 1916 г. Отзыв об этих занятиях проф. Ардашева // ГАК. Ф. 16. Оп. 465. Д. 1258. Л. 6. См. также: Никифоров Н.И. Сеньериальные повинности по наказам третьего сословия Этампского бальяжа в 1789 году. Киев, 1912. С. 45]. Наличие некоторых разночтений во взглядах между учителем и учеником, на наш взгляд, свидетельствует о том, что Ардашев не подавлял учеников своим авторитетом и не навязывал им своих исторических взглядов. В то же время нельзя отрицать того, что в работах Никифорова явно прослеживается влияние взглядов Ардашева. В своей диссертации Никифоров придерживался того же мнения, что и Ардашев, утверждавший, что в течение XVIII в. прогрессивно расширялась площадь крестьянского землевладения и росло число зажиточных крестьян [Ардашев П.Н. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка. 1774–1789; Провинциальные интенданты. Киев, 1906. Т. 2. С. 260–268, 288–292; Никифоров Н.И. Сеньериальный режим во Франции в исходе старого порядка (преимущественно в Пуату). Париж, 1928. С. 33, 74]. Можно усмотреть влияние взглядов Ардашева на Никифорова в оценке взаимоотношений между крестьянами и королевской властью. Никифоров старался не писать о ненависти крестьян к королевским провинциальным интендантам и в то же время всячески подчеркивал ненависть крестьян к агентам сеньериальной администрации. По мнению Никифорова, крестьяне перед революцией искали в королевской власти союзника против сеньоров [Никифоров Н.И. Сеньериальный режим во Франции... С. 249].

Кроме того Никифоров, как и Ардашев, проявлял интерес к философии и психологии истории, о чем свидетельствуют его работы «Физические факторы исторического процесса», «Эмоциональные основы цивилизации», «Ното economicus». Политические взгляды Никифорова также были близки к монархическим взглядам его учителя [См.: Бочарова З.С.,

Ципкин Ю.Н. Харбинский этап жизни Н.И. Никифорова // История белой Сибири: Мат-лы 5-й Межд. науч. конф., Кемерово, 4–5 февраля 2003. Кемерово, 2003. С. 263]. Примечательно, что Никифоров сам постоянно подчеркивал, что он ученик Ардашева. С полным основанием Никифорова можно назвать самым близким учеником Ардашева. В целом же, на наш взгляд, личность Никифорова представляет большой интерес не только в контексте взаимоотношений с Ардашевым. Творчество Никифорова представляет самостоятельный интерес. Его труды вполне вписываются в исследовательское русло «русской исторической школы» и заслуживают дальнейшего изучения.

О.И. Зезегова (Сыктывкарский ГУ)

**«Младшее» поколение «Ecole russe»:
историографический аспект**

XIX век – время формирования научных школ в российской исторической науке. Одна из них – школа Н.И. Кареева по новистике, ставшая преемницей «русской исторической школы», – представлена двумя поколениями исследователей – «старшим» и «младшим», рубежом между которыми является перерыв в педагогической деятельности профессора в Петербургском университете в 1899-1906 гг. Именно после этого семилетнего перерыва формируется второе поколение учеников, к которому можно причислить не только студентов Петербургского университета – И.Л. Попова-Ленского, В.В. Бирюковича, Я.М. Захера, П.П. Щеголева, Е.Н. Петрова, но и слушательниц Высших Бестужевских курсов – А.А. Матвееву-Леман, С.М. Глаголеву-Данини, М.А. Буковецкую. Развитие школы, продолжение традиций происходило не только в аудиториях учебных заведений на лекциях, семинарах, но и вне университетских стен. Практика проведения занятий на дому у профессора, на наш взгляд, была связана не столько со сложившимся коммуникативным укладом, сколько была вынужденной мерой. В 1918–1920-х гг., когда обучение проходили «младшие» ученики, университет не оплачивался, и профессора вынуждены были проводить занятия в домашней обстановке.

Первые сведения о формировании «младшего» поколения этого коммуникативного сообщества содержатся в воспоминаниях Кареева «Прожитое и пережитое», опубликованных спустя десятилетия после их написания

(Л., 1990), в которых профессор упоминает своих «обещающих в будущем учеников». Мемуары Кареева свидетельствуют о том, что он выделяет некоторых из своих студентов в качестве «своих». Но воспринимали ли указанные выше студенты Кареева как «своего» учителя? В поисках ответа на этот вопрос обратимся к историографической статье Глаголевой-Данини «Крестьянство и аграрный вопрос в эпоху великой революции» (Анналы. 1922. Вып. 1), где читаем: «Вспомним, что русские ученые к решению спорных научных вопросов привлекали внимание своих университетских учеников: у проф. Лучицкого на Высших Женских курсах была настоящая научная лаборатория, куда приносился учителем и анализировался учениками, каждый вновь приходивший том из Коллекции документов по экономической истории французской революции...; у проф. Кареева в течение многих лет изучались указы, делалась выборка материала по разным рубрикам, причем применялся метод статистических подсчетов». Таким образом, студенты воспринимали себя как ученики не конкретного профессора, а целой школы, именуемой «русской». Подчеркнем тот факт, что статья опубликована после установления в стране советской власти, и поэтому Данини сетует на разрыв связей с французскими учеными, но верит, что «в воспоминаниях о тех, кого уж нет, пользуясь советами тех, кто остался, молодые ученые будут черпать энергию в надежде, что настанет день, когда восстановится научное общение и вновь забьют пульс научной жизни». В 1920-е гг. российско-французские связи еще сохраняются. На страницах журнала «Историк-марксист» (1929, №14) А. Матъез сожалеет о том, что не овладел русским языком, чтобы в подлиннике читать исследования целой плеяды историков, «владеющих прекрасными методами и воодушевленных стремлением к точности, к истине». В 1928–1929 гг. самые благонадежные молодые историки – Щеголев и Захер – получают возможность поработать во французских архивах.

Однако надежда молодых на восстановление научного общения не оправдывается, очень скоро «Анналы» – своего рода рупор последователей «русской исторической школы» – запрещается, а его редактор Е.В. Тарле и авторы статей подвергаются жесткой критике. В советской стране начинается процесс пересмотра истории с позиций марксистской методологии и поэтому принцип многообразности, многовариативности заменяется монометодологическим пониманием исторического процесса. В условиях смены научной

парадигмы не остается места для немарксистских школ, начинается их вытеснение. Эти события приводят к размежеванию в среде последователей «Ecole russe». На московском заседании историков-марксистов, стенограммы которого опубликованы в книге «Классовый враг на историческом фронте» (М.-Л., 1931), Щеголев выступает одновременно и кающимся, и обвинителем, и обвиняемым. Он обличает своего научного руководителя Тарле и соучеников по семинарию Кареева: «Когда ставится вопрос о Тарле и о других буржуазных историках, имеются в виду не только они одни, но и их окружение, их школы... Данини обосновала на материалах по истории Дофинэ основную тезу Тарле. Могу указать на целый ряд других примеров... Попов-Ленский написал в свое время книгу о Барнаве, получившую ряд хвалебных отзывов марксистской критики. Затем он написал книгу о Лильборне, в которой развил то положение, что в английской революции народные массы никакого участия не принимали. Это была революция, которая обошлась без бунтов, без крестьянских выступлений и проч. Кареев похвалил Попова-Ленского, – это понятно. Но что его похвалили в нашей прессе, – это никуда не годится. Кроме Данини и Попова-Ленского следует упомянуть также Петрова и Бирюковича... Это оказывается, школа, давшая кое-какие пароли, продолжавшая цвести в послереволюционный период». Захер не присутствовал на указанном выше заседании, но вынужден был написать покаянное письмо, в котором он старался говорить «не только и не столько о Тарле, сколько о самом себе». Несмотря на желание быть корректным, Захеру это не всегда удается. Он пишет: «Работая в 1918-1922 гг. в семинариях Тарле и Кареева, я, как мне тогда казалось, проводил в своих взглядах марксистскую точку зрения и противопоставлял ее взглядам таких типичных учеников этих профессоров, как Попов-Ленский, Бирюкович, Глаголева-Данини и др. Однако сейчас для меня вполне ясно, что этот «марксизм» был ничем иным, как «марксизмом» куатсикианско-гильфердинского типа и именно поэтому, конечно, Кареев и Тарле, критикуя мои выступления, вместе с тем не только терпели меня в качестве своего ученика, но даже и выдвигали вперед».

Советские ученые В.А. Дунаевский, Г.С. Кучеренко, А.В. Адо, Е.В. Гутнова в своих историографических трудах упоминали «эпигонов русской школы». Историографы эпохи «хрущевской оттепели» смягчили оценки и утверждали, что, «учась исследовательской технике у Кареева, используя его огромный опыт и багаж фактических знаний, большинство его

учеников совершило в условиях советской действительности движение к усвоению марксистского мировоззрения».

Научное наследие и творческий путь «младших» учеников «русской исторической школы» интересуют современных историков. Первые упоминания встречаются в монографиях Г.П. Мягкова, С.Н. Погодина, затем появляются отдельные публикации о Я.М. Захере, В.В. Бирюковиче, М.А. Буковецкой, Н.П. Соколове, П.П. Щеголеве, С.М. Глаголева-Данини. Возможно, настало время обратить пристальное внимание к феномену «младшего» поколения «русской исторической школы», поскольку в этом случае будет реконструирована преемственность поколений дореволюционной и советской научных школ, так называемый «незримый колледж».

В.Е. Колупаев (Центр «Христианская Россия»,
Сериате, Италия)

Интеллектуальная биография М.А. Таубе на фоне эпохи в России и зарубежье

Наследие Михаила Александровича Таубе (1868–1961) принадлежит двум мирам – Российской империи и Русскому Зарубежью. М.А. Таубе – барон, выходец из старинного немецкого рода, известного с XIII в., профессор Санкт-Петербургского, Харьковского и Мюнстерского университетов, член Академии Международного права в Гааге, действительный член Императорского исторического общества, Императорского общества ревнителей исторического просвещения, почетный член Московского археологического института, Витебской, Тульской и Псковской губернских ученых архивных комиссий и Псковского археологического общества; действительный член Санкт-Петербургского философского общества, почетный член Общества классической филологии; государственный деятель, сенатор и тайный советник, член Государственного Совета – после Октябрьской революции 1917 г. эмигрировал в Финляндию, затем жил в Швеции, Германии, в 1928 г. переехал в Париж. Таубе – автор научных работ междисциплинарного характера по византиноведению и истории международного права, истории российской государственности в связи со

смежными вопросами культуры, истории церкви, места Руси–России в европейской семье народов и в мировой истории.

Работы Таубе по генеалогии, предпринятые им еще в дореволюционный период: «Stammtafel der freiherl. Zweiges d. Familie von Taube aus d. Hause Maart u. Hallinap» [SPb, 1899], «Beiträge zur Baltischen Familiengeschichte» опубликована в «Jahrbuch für Genealogie, Heraldik und Sphragistik» [Mitau, 1900, 1902, 1930] и «Archiv des uradeligen Geschlechts Taube, sonst Tüve genannt» [SPb, 1910-1911] – и продолжавшиеся в зарубежье: «Genealogisches Handbuch der Baltischen Ritterschaften: Estland» [T. I. Görlitz, 1930] и «Die von Uxküll: 1229-1929» [Berlin, 1930 и Tallin, 1936] – объясняют традицию балтийских немцев считать себя потомками древних владетелей страны, русских и балтийских князей.

Продолжением дореволюционного творчества, представленного в работе «История зарождения современного международного права: Средние века» [Т. 1. СПб, 1894, Т. 2. Харьков, 1899], стал труд «Развитие международных отношений и права в восточной Европе», в котором Таубе дает очерк политико-религиозных взаимоотношений между Римской Церковью и Русью. В основе работы публичные лекции, прочитанные в 1924 и 1926 гг. в Гааге и курс 1927 г. «Le développement historique du droit international dans l'Europe Orientale» в Католическом университете Лувена (Бельгия). В 1926 г. в Брюсселе опубликован исторический очерк «La Russia et l'Europe Occidentale a travers dix siecles», где автор рассматривает татарское нашествие как причину, оторвавшую восточную Русь от западного мира, где прежде существовал своеобразный древнерусский «союз государств» в составе Руси – наследницы князей св. Владимира и Ярослава, включая феодальные удельные княжества, республики-города Новгород и Псков, а также территорий Галицких князей. Это было единое политическое, экономическое и культурное пространство «международного общения» западной и центральной романо-германо-славянской Европы, можно сказать некий первообраз Unia Europea (Евросоюза). По мнению Таубе, эта так называемая «Respublica Christiana» мыслилось, прежде всего, как культурное взаимодействие народов, где Русь действительным образом активно участвовала в происходящих событиях европейской жизни.

В 1929 г. в Берлине печатается немецкое издание работы «Князь Аскольд», в 1947 г. книга вышла во французском варианте. К 1929 г. относится издание на русском языке в Праге статьи «Загадочный родовой знак семьи Владимира Святого», статья была помещена среди материалов под общим названием

«Сборник, посвященный П.Н. Милюкову (1859–1929)». Более глубокое и расширенное исследование поднятой темы продолжилось в работе «Родовой знак семьи Владимира Святого в его историческом развитии и государственном значении для Древней Руси», которая была опубликована во Владимирском сборнике [Белград, 1938]. Здесь автор считает нижнее течение Западной Двины входившим в сферу влияния русских князей с XI в.

В работе на немецком языке, изданной в Берлине в 1935 г., Таубе продолжает исследование вопроса о средневековой «немецкой» Ливонии и ее правителях, выясняя, что русская кровь текла в жилах балтийских дворян. Гипотеза Таубе о псковско-лаптальском Герцике) князе Всеволоде Мстиславовиче расширяет ареал и хронологические рамки русского присутствия в балтийском регионе.

В 1940 г. в Гааге печатается книга Таубе «Участие Византии в развитии западного международного права». В 1946 г. он пишет предисловие к французскому изданию книги J.J. Garanovitch «Historiographie russe (hors de la Russie)», выпущенной Nikitine B.P. [ed. and tr. Paris, 1946]. В 1947 г. парижское «Les Éditions du Cerf» печатает его книгу «Rome et la Russie avant l'invasion des tatars (IX-XIII siècle). Le prince Askold, les origins de l'état de Kiev et la première conversion des russes (856–882)». Это специальная работа о формах ранней русской дипломатии. В ней автор утверждает, что именно византийские правовые документы повлияли на формирование восточнославянского и древнерусского права, однако, при этом следует принимать во внимание, что именно Западная Европа дала наибольшее количество документальных свидетельств, исторических, богословских и философских работ с обоснованием взгляда на проблемы войны и мира. На христианском Востоке война, безусловно, рассматривалась как зло и грех, как безнравственное занятие, а в западных трактовках началось развитие понимания войны как справедливого и оправданного действия, утверждались моральные основания для правовой базы оправдания т.н. «христианских» войн. Здесь нельзя обойти вниманием переписку 1902–1903 гг. Таубе с Л.Н. Толстым [См.: Колупаев В. Лев Николаевич Толстой и новое о нем (по русским католическим источникам в Италии) // Новое литературное обозрение. 2011, № 109].

Неизвестны и малодоступны работы Таубе, опубликованные в зарубежных локальных периодических изданиях и *pro manuscript*. В сборнике «Католический

временник», который издавался Обществом св. Иоанна Златоуста в Париже, в 1928 г. появилась статья Таубе «Рим и Русь в до-монгольский период», далее в 1950-е годы выходили в свет лекции профессора в бюллетене «Наш приход» (хранится в архиве Центра «*Russia Cristiana*», Сериате, Италия). В этом же приходском издании русской католической церкви византийско-славянского обряда в Париже, активным прихожанином которой был барон, он публиковал отдельные сочинения малого формата.

Рукописные материалы архивной коллекции Таубе хранятся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета, США.

Наследие Таубе, незаслуженно забытое и ждущее своего изучения на полках зарубежных учреждений, архивов и библиотек, достойно быть востребованным отечественной наукой.

А.А. Кузнецов (Нижегородский ГУ)

Новые данные к биографии А.Е. Кудрявцева (по материалам фонда С.И. Архангельского)

В личном фонде Сергея Ивановича Архангельского Центрального архива Нижегородской области (ЦАНО) хранятся материалы к биографии его коллеги, специалиста по истории Англии Александра Евгеньевича Кудрявцева: письма самого А.Е. Кудрявцева, его вдовы, ученика Генриха Рувимовича Левина, коллег – Инны Ивановны Любименко, Евгения Алексеевича Косминского.

В конце 1930-х гг. С.И. Архангельский решил переехать в Ленинград и подумывал о месте новой службы в Педагогическом институте. В ответ на его вопрос И.И. Любименко в письме от 3.9.1939 ответила, что знает из этого института историка Кудрявцева, который читал в 1920-е гг. доклад об Ост-Индской компании, по ее мнению, «на редкость слабый» [ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 215. Л. 14]. К тому времени С.И. Архангельский знал А.Е. Кудрявцева лично и поддерживал с ним товарищеские и деловые отношения. Первое письмо Кудрявцева Архангельскому датировано 10.06.1934. В нем Кудрявцев положительно отзываясь о рукописи Архангельского, сообщает о своих исследованиях, научных новостях Ленинграда и просит нижегородца прислать его публикации. Большой интерес у Кудрявцева вызвала опубликованная в Нижнем записная книжка В.Г. Короленко, и он просил ее выслать [Там же. Д. 196. Л. 1-2об.]. Второе письмо датировано октябрём 1939 г. Разрыв в

датах объясним тем, что в Ленинграде жил сын С.И. Архангельского Константин и через него осуществлялся обмен информацией.

Во второе письмо вложено письмо трех аспирантов Кудрявцева с вопросами Архангельскому. Из них надо выделить Г.Р. Левина. С ним, начиная с 1942 г., переписывался Архангельский. 8.10.1942 Левин дал о себе знать: «Не знаю, помните ли Вы меня, но Вы присутствовали на моем докладе в институте истории на тему “Борьба за демократию в армии Кромвеля в 1647 г...” Знаете ли Вы о смерти А.Е. Кудрявцева? Он умер во время эвакуации из Ленинграда» [Там же. Д. 206. Л. 1].

Архангельский знал о смерти коллеги от его жены Н.В. Андреевской – письмо от 25.5.1942.: «Вы, наверно, знаете о тяжелой нашей утрате – умер Александр Евгеньевич Кудрявцев. В декабре его эвакуировали с группой профессоров педвуза Герцена. Ехали мы в очень тяжелых условиях, после трех месяцев исключительно тяжелой жизни в Ленинграде. В дороге он почувствовал себя плохо. Я с дочерью убеждала его остаться в Вологде, где у него был его аспирант, очень его любивший. Вы его знаете, Левин, он писал работу по Английской революции. Ал. Евг. отказался. Ночью Ал. Евг. сделалось дурно. Нас высадили в Галиче. Не приходя в сознание, он умер в Галиче. После похорон мы с дочерью догнали в Кирове группу педвуза... Знаю, что Вы всегда исключительно тепло и хорошо относились к Ал. Евг. Вы, может быть, в состоянии как-нибудь мне помочь. Положение мое и материальное и моральное очень тяжелое. Дочь после всех переживаний, голода в Ленинграде совсем больна, у ней туберкулез легких. Сын Ал. Евг., который работал на Алтае и звал нас к себе, призван в армию... В бумагах Ал. Евг. нашла Вашу открытку. Он вез Вам свои последние работы» [Там же. Д. 79. Л. 1-1об.].

В ноябрьском письме 1942 г. Г.Р. Левин сообщал, что набросал «проект» некролога А.Е. Кудрявцева и отослал его В.М. Лавровскому, Е.А. Косминскому и С.И. Архангельскому с просьбой отредактировать и подписать. Левин хотел опубликовать некролог в «Историческом журнале» и просил Архангельского отослать туда текст некролога [Там же. Д. 206. Л. 2]. 12.12.1942 Е.А. Косминский писал Архангельскому: «Я получил от В.М. Лавровского прилагаемый при сем некролог А.Е. Кудрявцева с предложением подписать его и направить его к Вам для подписи и пересылки в “Исторический журнал”. Если Вы согласны с данным текстом, то подпишите и перешлите в Москву в редакцию

«И.ж.» с соответствующим письмом» [Там же. Д. 193. Л. 15]. Последнее по времени упоминание о некрологе Кудрявцева встречается в письме Левина 16.2.1943: «Вл. Мих. пишет, что Е.А. Косминский подписал некролог А.Е. Кудр. и переслал его Вам для подписи» [Там же. Д. 206. Л. 5]. Затем тема некролога не поднималась в письмах Архангельскому. Не обнаружена его публикация, его содержание и местонахождение неизвестны.

Далее А.Е. Кудрявцев упоминается после войны. И.И. Любименко в 1950 г. писала: «Приходится разбирать наследство покойного профессора Кудрявцева. Он оставил после себя в Институте Герцена англистов» [Там же. Д. 215. Л. 85]. Еще раньше о Кудрявцеве вспомнил Левин. В январе 1946 г. он благодарил Архангельского за согласие написать воспоминания о Кудрявцеве и передавал благодарность Андреевской за то, что Архангельский сумел для нее сделать. Говоря об учителе Кудрявцева, Левин неверно информировал Архангельского о С.В. Ешевском: «На В/вопрос об учителе А.Е. могу только сообщить, что он учился в Юрьевском ун-те, где тогда как-будто работал Ешевский. Может быть, его влияние в какой-то степени и сказалось на А.Е.» [Там же. Д. 206. Л. 11]. Более четкие очертания идея мемориального сборника обрела в конце 1946 г.: «Несколько дней тому назад мы отмечали пятилетие со дня смерти Александра Евгеньевича Кудрявцева. Мне, его ближайшему ученику, пришлось много труда потратить на организацию научного заседания. На нем был доклад о работе А.Е. над испанскими проблемами, а также мое сообщение – “А.Е. Кудрявцев и проблемы англистории XVII в.” Было много выступлений с воспоминаниями о покойном. Сейчас кафедра решила издать сборник памяти А.Е. Предполагается дать несколько статей об А.Е. Боюсь затруднить Вас своей просьбой, но не могу удержаться от желания видеть и Вас в числе участников сборника памяти А.Е. Нельзя от Вас получить небольшую статью о покойном? Ведь Вы много раз встречались с покойным» [Там же. Д. 206. Л. 26-26об.]. До выхода в 1948 г. мемориального сборника (Ученых записок) со статьей Архангельского «Воспоминание о профессоре А.Е. Кудрявцеве» Левин отчитывался перед Архангельским о ходе работы над сборником.

Другая тема писем Архангельскому в связи с Кудрявцевым – это его библиотека. Вопрос о ней был закрыт в 1952 г. Еще в марте Левин писал: «На днях Нагалья Владимировна Андреевская говорила мне, что она собирается продать англ. книги из библиотеки покойного А.Е. Кудрявцева. Я

вспомнил, что Вы давно справлялись об этом и решил Вам написать. Если Вы интересуетесь этими книгами, напишите мне или непосредственно Н.Вл.» [Там же. Д. 206. Л. 67]. Но уже в мае ученица Архангельского сообщила: «10-го встретилась с... Андреевской и оказывается, что она, буквально перед моим приездом, продала все книги, оставшиеся после А.Е. Кудрявцева, Московской б-ке им. Ленина. Я спросила, почему же она Вам не написала, ну и она призналась, что думала, что Вы не располагаете такой суммой – 20 000 руб., а ей очень нужны деньги. Переговоры же с библиотекой вела ее дочь, и вела очень давно. Книги уже увезли, так что мне не пришлось воспользоваться ими здесь. И очень жаль, что они не перешли к Вам» [Там же. Д. 98. Л. 1].

М. П. Лантева (Пермский ГУ)

Интеллектуальная интуиция как элемент интеллектуальной биографии

Интуиция без интеллекта – несчастный случай.

П. Валери

Для развития жанра интеллектуальной биографии немалое значение имеет выяснение его особенностей, иначе говоря, определение того, чем данный жанр отличается от других вариантов биографий. Попытка найти некоторые его особенности была предпринята П.А. Алиповым в докладе на конференции в РГГУ. Автор проанализировал несколько монографий и статей, в названии которых прямо указано, что это интеллектуальные биографии, и сделал попытку их типологизации [Будущее нашего прошлого. М., 2011].

На мой взгляд, некоторый нюанс этого жанра может быть обозначен за счет привлечения относительно новых терминов, дающих иные существенные возможности исследования материала. Один из таких терминов – *интеллектуальная интуиция*, понятие, пригодное как для характеристики творческих особенностей персонажа интеллектуальной биографии, так и для критических текстов будущих рецензентов, оценивающих успехи или неудачи ее автора.

Насколько мне известно, впервые это понятие употребил Р. Декарт. Некоторые современные авторы применяют понятие *исследовательская интуиция*. Так, К.В. Хвостова подчеркнула роль исследовательской интуиции авторов, стремящихся

обобщить результаты коллективной аналитической деятельности профессионального сообщества [Хвостова К.В. Знание о прошлом в современной культуре // Вопросы философии. 2011. С. 31]. Тем не менее, объем этих понятий неодинаков: понятие интеллектуальной интуиции гораздо шире. Спиноза вообще полагал, что интеллектуальная интуиция – это высший род познания. Шеллинг отождествил ее с интеллектуальным созерцанием.

На огромном значении интуитивного понимания в научном творчестве настаивал В. Дильтей [Dilthey W. *Gesammelte Schriften*. Leipzig, Berlin, 1924. Bd. 5-6. S. 36-41]. Его последователь А. Бергсон, создав философскую систему интуитивизма, настаивал на том, что в процессе эволюции интуиция пала жертвой интеллекта. Полагая, что интуиция главенствует в духовной жизни, он утверждал, что духовную сущность человека можно постичь лишь «погрузившись» в интуицию и перейдя от нее к интеллекту, тогда как от интеллекта мы никогда не можем перейти к интуиции. Поскольку Бергсон противопоставлял интуицию интеллекту, то его интуитивизм позже назвали «антиинтеллектуальным» в отличие от наивного интуитивизма Декарта. М. Бунге выделял три вида интуиции: чувственную, мистическую и интеллектуальную (он считал ее рациональной) [Бунге М. *Интуиция и наука*. М., 1967. С. 5,18].

Учение об интеллектуальной интуиции занимает центральное место в теории познания Э. Гуссерля. Он называл ее философской, считал высшим родом познания, но отличал от прямой интуиции, возникающей из «смеси инстинкта и метода». Только философская интуиция, по его мнению, помогает открыть бесконечное поле работы и дает возможность получить массу точнейших сведений без особых методов, без аппарата умозаключений и доказательств [Гуссерль Э. *Философия как строгая наука*. Новочеркасск, 1994. С. 79,174].

Можно привести несколько примеров того, как биографам удавалось подметить роль интеллектуальной интуиции своих героев, даже если при этом они и не пользовались данным термином. Так, оценивая роль Й. Хейзинги в историографии культуры, автор послесловия к одной из его книг пишет о «парадоксе интуитивистской методологии», воплощенном в творчестве голландского историка, почти не интересовавшегося методологическими проблемами истории.

Хейзинга во время обучения особенно себя не проявил, однако, по мнению профессора, рекомендовавшего его на кафедру истории, обладал важной для историка способностью

«видеть» минувшее, видеть «движение истории в смене живых форм, сущностей, жизненных укладов» [Михайлов А.В. Йохан Хейзинга в историографии культуры // Хейзинга Й. Осень средневековья. М., 1988. С. 421]. Это «видение» оказалось сильнее рациональной мыслительной работы. Методологическое упрямство Хейзинги позволило ему открыть окно в XV столетие.

Второй пример взят мною из текста издателя и автора комментариев к полному собранию сочинений Кафки. Клод Давид полагает, что биограф не должен объяснять жизнь своего героя, исходя из его творчества, однако сам же нарушает это правило, основанное на признании независимости творчества. Клод Давид обратил внимание на те мысли Кафки в тексте «Приговора», которые он не доверял ни друзьям, ни дневнику. А вот литературное творчество открыло Кафке самого себя и сказало о нем больше, чем «Дневник», и даже «больше, чем он знает или хотел бы знать» [Давид К. Франц Кафка. Ростов-на-Дону, 1998. С. 55].

К сожалению, я далеко не сразу обнаружила, что понятие *интеллектуальная интуиция* могло бы пригодиться мне в попытках добавить несколько штрихов к биографии В. Набокова. Я предположила, что его явная нелюбовь ко всему немецкому имеет иррациональное происхождение [Лаптева М.П. Владимир Набоков и Германия // Копелевские чтения. 2002. Россия и Германия: диалог культур. Липецк, 2002; Она же. Феномен непонимания: Германия в жизни В.В. Набокова // Вестник Пермского университета. История. Пермь, 2002. Вып. 3; Она же. В. Набоков и немцы: к проблеме этнического непонимания // Национальные образы прошлого. СПб., 2008].

С помощью понятия *интеллектуальная интуиция* было бы легче объяснить некоторые особенности поведения Набокова. Так, например, он тщательно уничтожал черновики, рукописи и даже некоторые письма и записки. Возможно, что он не хотел раскрыть тайны своей интуиции. Отвечая на вопросы журналистов, Набоков часто говорил однозначно, словно не хотел пустить посторонних в дебри своей жизни. Еще совсем молодым он словно бы предвидел возможные спекуляции вокруг особенностей своего творчества, когда в стихотворении августа 1918 года писал: «...Каждый звук был проверен и взвешен прилежно, // каждый звук, как себя, сознаю, // а меж тем назовут и пустой и небрежной // быстролетную песню мою...»

Впервые я воспользовалась термином *интеллектуальная интуиция* в рецензии на книгу американского историка по проблемам исторической эпистемологии [Лаптева М.П.

Интеллектуальная интуиция Алана Мегилла // Вестник Пермского университета. Политология. История. Пермь, 2009. Вып. 2(9)]. Мне хотелось убедить читателей в невероятной научной проницательности А. Мегилла, давшего ответ на самые важные вопросы теории исторического познания. Означало ли это, что я отождествляю понятия *интуиция* и *проницательность*? И да, и нет, ибо каждое слово добавляет какой-то оттенок смысла, даже если мы пока не можем четко его определить. По словам Гете, «в том, что известно, пользы нет. Одно неведомое нужно».

Немецкий исследователь Я. Ассман назвал современную науку «организованным поиском истины» [Ассман Я. Культурная память. М., 2004. С. 309]. На мой взгляд, к истине можно только приблизиться, поэтому в безграничном и вечном процессе творчества интеллектуальная интуиция играет не меньшую роль, чем рациональные средства познания, а доказать это могут как раз авторы интеллектуальных биографий.

О. В. Метель (Омский ГУ им. Ф.М. Достоевского)

**Может ли теолог быть историком,
или «случай» Альфреда Луази***

Проблема взаимоотношений науки и религии является одной из наиболее актуальных для современных ученых, столкнувшихся в последние десятилетия с кризисом традиционных исследовательских канонов, что заметно как в области естественных наук, так и в гуманитаристике. Сформулированные в XIX в., в эпоху торжества сциентизма, каноны научности дают системные сбои, требуя своего существенного пересмотра, связанного, в первую очередь, с обращением к истокам, т.е. к критическому анализу процесса их формирования и утверждения.

В области науки о религии в качестве основополагающих постулатов получили утверждение принципы: а) *светскости*, т.е. независимости исследователя от любых догматических предрассудков, б) *историчности*, связанный с прочтением религиозных феноменов в границах их исторического развития. Во Франции становление указанных принципов было связано с именем Э. Ренана, покинувшего в 1845 г. лоно Церкви на том

** Работа проводилась при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ, государственный контракт № 14.740.11.1306

основании, что она не дает полную истину. В предисловии к «Жизни Иисуса» Э. Ренан уподобляет правоверного богослова птице в клетке, а либерального – птице с подрезанными крыльями, указывая, что на путь историка богословов никогда не ступит, меж тем «критические исследования, относящиеся к происхождению христианства будут завершены только тогда, когда они будут проводиться в духе совершенно светском» [Ренан Э. Жизнь Иисуса. М., 1991. С. 21].

Победа принципа независимости от религиозных предрассудков в научных исследованиях в области изучения религиозных феноменов была одержана во Франции во многом благодаря общим принципам лаицизма, широко распространившимся в Третьей республике. Однако, данная модель была отнюдь не единственной. Католическая экзегеза XVII в. в лице Р. Симона и немецкая протестантская либеральная теология, нашедшая отражение в трудах страсбургского профессора Э. Реусса, поставили вопрос о принципиальной совместимости научного поиска и религиозных убеждений. На рубеже XIX–XX вв. выражением данной линии стали работы католического аббата А. Луази, настаивавшего на необходимости *сохранения* церковного авторитета как руководящей линии при проведении научных изысканий в области первохристианской истории на том основании, что области веры и разума не должны смешиваться между собой.

А. Луази родился в 1857 г. в крестьянской семье в небольшом местечке на севере Франции. Проявив во время учебы значительные способности, он, однако, вопреки желанию семьи решил посвятить свою жизнь служению Богу и в октябре 1870 г. пошел в семинарию. В отличие от Э. Ренана, А. Луази не уделял значительного внимания немецкой критике, но и не отставал от новейших идейных течений, знакомясь с современной философской литературой. Он также изучал еврейский язык. Способный ученик привлек к себе внимание руководителей семинарии, которые приняли решение отправить его учиться в недавно открывшийся в Париже католический институт (1875). Прочувшись в данном заведении около года, А. Луази решил вернуться в семинарию и принять сан. Получив по окончании семинарии место приходского священника, уже через год он, однако, вернулся в католический институт Парижа.

Защита в 1890 г. диссертации, посвященной истории канона Ветхого Завета, открыла перед А. Луази новые перспективы развития академической карьеры, но, вместе с тем, обозначила основные линии неприятия выводов молодого экзегета

консервативными представителями Церкви. Но подлинное столкновение было впереди. В 1902 г. А. Луази опубликовал скандально известную «le petit livre rouge» («маленькую красную книжку»), где представил результаты применения историко-критического метода к первохристианской истории [Loisy A. L'Évangile et l'Église. P., 1902]. Книга вызвала острую полемику в католической среде и подверглась осуждению римской курией как база модернистской ереси. Предпринятая затем попытка прояснить свою позицию [Loisy A. Autour d'un petit livre. P., 1903] не имела успеха: работы А. Луази были внесены в Индекс запрещенных книг, а сам автор отлучен от Церкви. Тяжело переживая данное потрясение, *потеряв веру*, А. Луази, вплоть до самой смерти в 1940 г., продолжал свои изыскания в лоне светских академических учреждений, ведь уже в 1909 г. он был избран профессором кафедры истории религий в Коллеж де Франс, которую некогда занимал Э. Ренан. Дальнейшая интеллектуальная эволюция А. Луази была связана с развитием историко-сравнительного метода применительно к христианству и некоторым другим религиозным системам, а также с подготовкой ряда экзегетических работ.

В целом, эволюция мысли А. Луази шла от деконструкции Священного Писания к деконструкции первохристианской истории в целом, причем главным орудием экзегета на данном пути стала *история*. Любопытно, что мы не чувствуем серьезного разрыва между идеями данного автора в церковный и внецерковный периоды. Уже в своей диссертации католический экзегет поставил вопрос об историческом характере библейских книг, прошедших в своем развитии ряд последовательных фаз и не содержащих точную и реальную историю происхождения мира и человека. Далее, А. Луази, стремясь доказать необоснованность требований протестантского либерального богослова А. Гарнака поставить в центр всего христианства Евангелие, обращается к анализу Нового Завета, рассматривая отраженное в его текстах учение Иисуса Христа. Вместе с тем, весьма любопытно, что проведенный им источниковедческий анализ новозаветных текстов в целом вполне согласуется с идеями немецких протестантов, что особенно заметно в отношении канонических Евангелий. В монографии «Вокруг небольшой книги» А. Луази рассматривает появление христианства как земное явление, связанное с проповедью человека-Иисуса, за которым он, впрочем, признает также божественное достоинство. Дальнейшая история первоначального христианства – это история ряда кризисов, первый из которых наступил сразу после смерти

Иисуса Христа, второй был связан с вхождением в языческий мир и, наконец, третий – с утверждением концепции христианского Бога на основе греческой философии. Завершающей фазой развития научной концепции А. Луази стало помещение первоначального христианства в один ряд с другими религиями древности при помощи историко-сравнительного метода [Loisy A. Les mystères païens et le mystères chrétiennes. P., 1919; Loisy A. Le mandéisme et les origins chrétiennes. P., 1934; Loisy A. La naissance du christianisme. P., 1933].

Иными словами, пример А. Луази еще раз наглядно демонстрирует, что понимание научного поиска как исключительно *светского* отнюдь не вытекает из его природы, а возникает как исторически изменчивое, навязанное извне обязательное условие. Причем, сказанное относится как к протестантизму, традиционно ассоциировавшемуся со свободным исследовательским поиском, так и к католицизму.

Н.В. Некрасова (РГГУ, Москва)

Источники реконструкции интеллектуальной биографии тверского историка В.И. Колосова (1854-1919)

Исследование жизни и творчества провинциального историка второй половины XIX – начала XX в. необходимо начать с авторских дефиниций понятий «провинциальная историография» и «провинциальный историк». В современной историографии активное изучение творчества провинциальных историков и сообществ, в рамках которых они действовали, началось более двух десятилетий назад. Начало изучению провинциальной историографии было положено историками А.А. Севастьяновой [Севастьянова А.А. Историография русской провинции второй половины XVIII в. (к постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 1. С. 34-142; Она же. Русская провинциальная историография второй половины XVIII века. М., 1998] и В.А. Бердинских [Бердинских В.А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. М., 2003]. Понятием «провинциальная историография» мы, вслед за Севастьяновой, обозначаем историописание в русской провинции во второй половине XVIII – начале XX в. (до оформления краеведческого движения в 1920-е гг.). Таким образом, провинциальный историк – создатель исторических трудов в провинции в означенный период.

Обращение к интеллектуальной биографии провинциального историописателя представляется нам актуальным по нескольким причинам. Во-первых, актуальность связана с «антропологическим поворотом» в историческом знании, персонализацией предмета истории и оформлением таких проблемных полей, как историческая антропология, интеллектуальная история, новая биографика, новая локальная история. Следующая причина – растущее внимание профессиональной историографии к своей истории, саморефлексия по поводу взаимодействия и сосуществования научно ориентированной и социально ориентированной практик историописания.

Тверской историк В.И. Колосов «имеет право» на научную биографию: преподаватель всеобщей и русской истории в Тверской духовной семинарии, историк, археолог, археограф, хранитель Тверского историко-археологического музея, товарищ председателя Тверской ученой архивной комиссии (далее ТУАК), председатель совета Тверского общества любителей археологии, истории, естествознания, автор более 40 работ по истории Тверского Верхневолжья и церковной истории.

Интеллектуальная биография – это синтез биографического, текстуального и социокультурного анализа [см.: Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 313]. Реконструкция интеллектуальной биографии В.И. Колосова предполагает изучение жизненного мира провинциального историка в широком социокультурном контексте, исследование его модели историописания, определение уровня и типа репрезентируемого им исторического знания.

Для реконструкции интеллектуальной биографии мы используем типологию биографического жанра, предложенную Д. Уокером [см.: Нейман А.М. Биография в истории экономической мысли: опыт интеллектуальной биографии Дж.М. Кейнса // История через личность: Историческая биография сегодня. М., 2010. С. 332-333]. Изучение биографии личности (время и место рождения, семейные корни, воспитание, черты характера, личная жизнь), библиографической биографии (анализ трудов автора), профессиональной биографии (профессиональная деятельность, отношения внутри профессиональных сообществ), ситуационной биографии (события и условия социально-экономической и политической жизни общества и эпохи) предполагает обращение к широкому кругу источников.

Источниковая база нашего исследования представлена, в основном, трудами В.И. Колосова (опубликованными и неопубликованными), документами личного происхождения (так называемыми эго-документами) и делопроизводственными документами. Корпус источников достаточно репрезентативен. Труды В.И. Колосова – весьма обширный корпус историографических источников, включающий монографические исследования, исторические очерки, рецензии, предисловия к публикациям документов, методические работы по преподаванию истории, некрологи. Представляется необходимым систематизировать историографические источники по тематическому и хронологическому признакам. Творчество провинциального историка необходимо изучать в проблемном поле новой локальной истории, обращая внимание на исторический дискурс, выбор источников для построения исторического нарратива, приемы работы с источниками, на конструкцию и содержание текстов.

Начато изучение комплекса архивных документов личного происхождения – личных фондов В.И. Колосова, хранящихся в Государственном архиве Тверской области [Ф. 1020. Оп. 1-2. 142 ед. хр. 1865-1929 гг.; Ф. 103. Оп. 1. 34 ед. хр. 1701-1916 гг.] и Научном архиве Тверского государственного объединенного музея [Ф. Р-7. Оп. 1. 12 ед. хр. 1874-1913 гг.]. Эго-документы представляют обширную переписку с близкими (женой, братьями, родителями, родителями жены), письма тверских историков и «любителей старины», членов ТУАК, московских и петербургских историков; документы о рождении, образовании и служебной деятельности; семейные фотографии, записные книжки, конспекты лекций. Особенно ценны для понимания личности, выявления эмоционально-психологических аспектов биографии Колосова его переписка с женой и матерью жены, а также воспоминания о нем коллег и родных, собранные после его смерти членами ТУАК.

Пристальное внимание следует уделить делопроизводственным документам. Это, в первую очередь, обширный комплекс изданных делопроизводственных документов ТУАК: Журналы заседаний [№№ 1-118] и Отчеты о деятельности. В Журналах, являющихся ценным историографическим источником, освещались вопросы, рассматриваемые на заседаниях, помещались выступления членов комиссии, рефераты докладов, публиковались документы. В.И. Колосов принимал активнейшее участие в работе комиссии, что нашло отражение в журналах и отчетах.

Необходимо выявление и изучение такого историографического источника, как рецензии на труды Колосова, сопоставление этих источников с современным взглядом историков на его творчество. Для понимания масштаба работ Колосова и определения его места в провинциальной историографии целесообразно использовать компаративный подход и изучить его творчество в историографическом контексте, представленном провинциальным историописанием (издания губернских ученых архивных комиссий и др. провинциальных исторических обществ, провинциальные исторические журналы и публикации в неофициальных приложениях к губернским и епархиальным ведомостям), а также сравнить труды Колосова с работами по истории Твери других авторов.

Ожидаемым итогом данного исследования, выполненного в рамках феноменологической парадигмы источниковедения, должно, на наш взгляд, стать достижение возможности понять жизненный мир человека прошлого, а также представить «...в одно и тоже время и конкретно, эмпирически верифицируемый и теоретически значимый научный результат» [Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. С. 268].

Н.А. Селунская (ИВИ РАН, Москва)

Интеллектуальная биография историка тоталитарной эпохи (компаративный аспект)

Тема моего исследования – особенности интеллектуальных биографий двух влиятельнейших для своего времени историков, авторов исследований и концепций истории эпох Средневековья и Рисорджименто [В прошедшем 2011 г. не только праздновался юбилей объединения Италии, но и отмечались памятные даты двух историков-итальянистов: сорок лет кончины Дж. Вольпе и столетие со дня рождения В.И. Рутенбурга]. Я считаю эти концепции, а также существующие между ними переклички весьма примечательными объектами изучения с точки зрения интеллектуальной истории, а их создателей – весьма одаренными самобытными историками и бесспорными профессионалами. Речь идет об известных историках: Джоаккино Вольпе (Италия) и Викторе Рутенбурге (СССР).

Моя задача состоит не в том, чтобы рассматривать целиком весь комплекс исследований, проведенных как Вольпе, так и Рутенбургом по истории Рисорджименто или Средневековья, а в

том, чтобы провести более узкий и специализированный анализ: способов реконструирования этими учеными исторических объектов и определения ими акторов изучаемых процессов.

Этот специализированный анализ, однако, предполагает вовлечение в сферу рассмотрения нескольких разноплановых контекстов: вопросы собственного дисциплинарного развития исторического знания, вопросы идеологического порядка, личные характеристики двух избранных историков, живших в двадцатом веке – веке великих мистификаций и великих потрясений, и изучавших историю Италии, взятую в большой длительности, начиная со времени средневековья.

Каждый из названных историков работал именно в те периоды, которые теперь расцениваются как периоды господства тоталитарной идеологии, однако, что примечательно, основными темами изысканий названных историков были такие революционные, кризисные и динамичные сюжеты истории, как: развитие городских общин, консолидация горожан в коммуны и приобретение этими коммунами самоуправления и публичных функций, еретические и народные движения в средневековье и период Возрождения, и наконец, Рисорджименто, понимаемое как социальное, политическое и культурное движение, несущее импульсы обновления, освобождения и объединения [Volpe. *Il Medioevo*. Firenze: Vallecchi, 1927 [ripubblicato da Sansoni nel 1958]; Volpe. *Medio Evo italiano*. Firenze: Vallecchi, stampa 1923 [ripubblicato da Laterza nel 2003 con una introduzione di Cinzio Violante]; Volpe. *Movimenti religiosi e sette ereticali nella società medievale italiana: secoli 11.-14.* Firenze: Vallecchi, stampa 1922 (2a ed. 1926 [ripubblicato più volte a Firenze da Sansoni - 1961, 1971, 1972, 1977 - e da ultimo nel 1997 a Roma dall'Editore Donzelli nel 1997, con introduzione di Cinzio Violante]; Рутенбург В.И. *Истоки Рисорджименто*. 1980; Он же. *Итальянский город от раннего Средневековья до Возрождения*. 1987; Он же. *Кампанелла*. 1956; Он же. *Народные движения в городах Италии*. 1958].

Думается, для каждого из названных историков определенную роль играл личный опыт участия в войнах, сопровождавшихся большим национально-патриотическим подъемом, – для Вольпе это была Первая Мировая война, которой он посвятил и некоторые сочинения [Volpe G. *Il popolo italiano nella Grande Guerra (1915-1916)*, a cura di A. Pascuale. Roma, 1998], а для Рутенбурга – Вторая Мировая, в годы которой молодой историк окончательно сформировался как личность. Следует вспомнить, что согласно клише фашистской идеологии, после долгой предыстории, т. ч. недолгого расцвета эпохи

Рисорджименто, и последующей и утраты достижений этой эпохи, народный дух окончательно формируется в период Первой Мировой войны. Иначе говоря, в этот период и формируются идеологические стереотипы, связанные с понятием народ, которые будут играть особую роль в идеологической базе итальянского фашизма. Относительно роли той войны, которая получила у нас название Великой Отечественной можно сказать то же самое: идея народа и его исторической роли сформировалась в идеологическое клише советского дискурса.

Став такими идеологическими клише, понятия и представления, начинают проецироваться тоталитарным дискурсом и в гипотетическое будущее, и в историческое прошлое.

Я принципиально не соглашусь с тем, что политические аспекты мировоззрения и творчества историков надо отделять от собственно исторических работ, например, изучения средневековых сюжетов.

Напротив, надо учесть, что идеологическая составляющая исторических сочинений Рутенбурга, как и его итальянского коллеги Вольпе не была мимикрией или навязанной извне идеей, но индивидуально генерируемым кодом, который невозможно отделить от личностной концепции историка по разным причинам: националистической гордости или необходимости подвести историческое развитие под стандарт прогрессивной смены формаций. Но оба историка рассказывали в создаваемых ими научно-исторических нарративах о позитивном и прогрессивном развитии истории и народа как ее творца, при этом склоняясь к антропоморфной метафоре в описании этого актора истории.

Безусловно надо констатировать, что в Вольпе и Рутенбург – идеологически убежденные интеллектуалы, никак не могут быть описаны как жертвы или даже пассивные проводники влияния того политического режима, при котором осуществлялась их карьера. И Вольпе, и Рутенбург – не просто кабинетные ученые, они деятели и борцы в прямом смысле – оба отважно принимали участие в военных действиях. Оба ученых являлись также и борцами так называемого «идеологического фронта», не просто воспринявшие идеологию, а творившие ее, как интеллектуальное обеспечение определенного режима, создававшие крупные исторические картины и идеологемы, универсалистские концепции истории.

В то же время Вольпе, как и Рутенбург, – прекрасный историковедец, знаток казусов. Хотя оба названных историка получили закалку в школе кропотливого изучения источников, в том числе – правовых документов, но, по своим личностным

характеристикам – не могли быть приверженцами следования логике источника, – идеи, провозглашенной 70-е гг.

Ученые такого интеллектуального и идейного склада, сыны таких эпох, какими были Вольпе и Рутенбург, могли вести за собой читателя, убеждая и разубеждая, могли вскрывать корни явлений, обнаруживая их тончайшие особенности, анализировать частное и конкретное, но при том параллельно и мифологизировать результаты, подчинять разрозненные казусы общему дискурсу.

Н.Б. Селунская (МГУ, Москва)

**Академик И.Д. Ковальченко:
личность ученого, его научная школа,
профессиональные контакты с историческим сообществом**

Изучение историографической традиции, осмысление опыта развития исторической науки является необходимым компонентом успешного развития исторического знания. В структуре историографической традиции вполне обоснованно выделяются историками различные уровни ее анализа, прежде всего, такие, как направление, течение и школа. Все три уровня являются некой формой обобщения персональных исторических концепций и соответственно, результатом типологии историографического процесса развития национальной или мировой историографии на определенном историческом этапе. Однако, несомненно, что личность ученого оказывает мощное влияние на его творчество, формируясь в рамках определенной социокультурной среды, определяясь вехами индивидуальной биографии ученого и судьбы страны и мира, в котором он существует.

В докладе сделана попытка реконструкции персональной биографии известного историка – академика Ивана Дмитриевича Ковальченко, анализа основных теоретико-методологических оснований и конкретно-исторических разработок, формирующих его научную школу, а также его активной деятельности, направленной на развитие национального исторического сообщества, интеграцию в международное профессиональное сообщество историков.

И.Д. Ковальченко был не только выдающимся ученым, деятелем высшей школы, но и крупнейшим организатором науки. Он автор около 200 научных работ, в том числе шести монографий. Уже будучи известным специалистом-аграрником, И.Д. Ковальченко активно участвует в создании (с 1958 г.) и многолетнем руководстве работой Межреспубликанского

симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. С 1969 г. И.Д. Ковальченко в течение 18 лет являлся главным редактором журнала «История СССР». В 1972 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, а в 1987 г. действительным членом Академии наук СССР, с 1988 г. является академиком-секретарем Отделения истории и членом Президиума АН СССР. Он вслед за М.В. Нечкиной руководил работой Научного совета по историографии и источниковедению при Отделении истории, конференции которого получили широкий резонанс в среде специалистов. Весьма активно выступал И.Д. Ковальченко в области международного сотрудничества историков. Начиная с 1966 г. он участвовал в работе Международной Ассоциации экономической истории, а с 1978 по 1990 гг. был членом Исполкома этой Ассоциации. Особенно плодотворными были его усилия по налаживанию творческого сотрудничества в области применения количественных методов с американскими историками-клиометристами.

Становление интересов И.Д. Ковальченко как ученого проходило под влиянием таких прекрасных ученых и педагогов, как Н.Л. Рубинштейн, С.Д. Сказкин и С.С. Дмитриев. Он работал в семинаре на первых курсах у Н.Л. Рубинштейна, слушал лекции С.Д. Сказкина. Особое влияние на его научные взгляды, по словам Ивана Дмитриевича, оказал Н.М. Дружинин.

Для изучения индивидуальной биографии ученого, раскрытия его личностных характеристик особое значение имеет возможность использования материалов личных архивов, содержащих не только материалы научной лаборатории ученого, но и автобиографические материалы, переписку, воспоминания. Именно такой разнообразный комплекс материалов будет использован в данном докладе.

Научные взгляды и научная школа И.Д. Ковальченко формировались в послевоенный период и, несомненно, представляют определенный сегмент советской историографической традиции. Надо заметить, что в процессе познания отечественной историографической традиции существенно менялись общие оценки и отношение к советской историографии. По справедливому замечанию автора монографии, посвященной советской исторической науке середины XX в. Л.А. Сидоровой, в конце XX в. советская историография оценивалась крайне негативно – как сплошь политизированная, фальсифицированная и, следовательно, «без права на научность». Начало XXI в., однако, характеризуется пересмотром отношения к историографии этого этапа. При этом весьма отрядным является

признание ее неоднородности и даже преемственности с русской дореволюционной (классической) историографией.

Высказанные соображения актуализируют обращение на современном этапе к личности Ивана Дмитриевича Ковальченко и в связи с потребностью нового прочтения советского периода развития отечественной историографии.

Т.А. Тоштендаль-Салычева
(Уппсальский университет, Швеция)

Гармония личного и общественного в творчестве Биргитты Удэн

Первой женщиной Швеции, получившей в 1965 г. кафедру ординарного профессора истории и вошедшая в этом качестве в историю родного Лундского университета, стала Биргитта Удэн (г.р. 1921) – академик Шведской Королевской Академии литературы, истории и древностей (Kungliga Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien), Европейской (Akademia Europaea) и Финской (Suomen akatemia) академий.

Послевоенная шведская историография не может быть понята без изучения многочисленных и разнообразных трудов Биргитты Удэн, которые во многом определяли направление национальной исторической мысли. Она всегда опережала свое время и стремилась найти исторические корни современных общественных проблем. Творчеству этого ученого органично присущи две черты: оно развивалось, ориентируясь на актуальные интересы современного автору общества и на междисциплинарные методы исследования.

Важную роль в становлении и победе либерально-позитивистской школы критики источников братьев Лаурица и Курта Вейбуллей, расцвет которой ознаменовал смену парадигм в шведской историографии первой половины XX в., сыграли их ученики. Среди них был и научный руководитель Б. Удэн – Стуре Булин, профиль семинара которого соответствовал внутренним запросам Биргитты, изначально сочетавшей принципы естественных и гуманитарных наук. Определяющее значение в выборе тематики докторской диссертации Удэн, опубликованной в 1955 г. («Налогообложение и расходы страны. Государственные финансы и финансовое управление во второй половине XVI века»), и последовавших за ней двух монографий принадлежало еще одному вейбуллианцу – Свену А. Нильссону. Экономической истории с особым интересом к результатам, добытым из

источников с помощью математических операций, Б. Уден посвятила первые 15 лет своей научной жизни.

С середины 1960-х гг. происходит главный поворот в творческой судьбе Биргиты Уден: в своей исследовательской практике она окончательно и бесповоротно обращается к социальной проблематике. Интересы общества в широком смысле стали определять параметры оптимальных норм ее работ. Это случилось еще до прихода «красной волны», связанной с политической радикализацией масс и проникновением в гуманитарное сообщество Швеции марксистских идей.

Первый проект профессора Б. Уден на кафедре истории Лундского университета был посвящен социальным аспектам шведской эмиграции XIX – начала XX в. Смежными дисциплинами, методы которых оказали инспирирующее воздействие на автора, в этом случае стали социальная антропология и культурная география. Несомненное влияние на выводы Уден имела диффузная теория шведского географа Т. Хэгерстранда. Уден была одной из первых историков Швеции, кто в своих работах начал применять социологические теории, пришедшие из-за океана.

Работая над проблемами эмиграции, Б. Уден вплотную подошла к историко-демографической тематике, однако, не желая конкурировать с коллегами из Уппсальского университета, возглавила проекты по вопросам окружающей среды, напрямую затрагивавшие взаимоотношения человека с современным обществом. Ей принадлежала инициатива в разработке этого направления, она сформулировала методологические установки и нацелила работу историков на тесное сотрудничество с учеными других наук. Универсальность проблем окружающей среды делают, по мнению Уден, невозможной их принадлежность к какой-то одной дисциплине – они касаются каждого и затрагивают интересы не только отдельной личности или страны, но всей планеты.

Отвечая на запросы со стороны студенчества, заинтересовавшегося в бурные 1960-е теоретическими обществоведческими построениями, Б. Уден пришла к необходимости поиска и объяснения новых теорий. Так родился курс лекций по истории шведской исторической мысли, а затем последовали статьи и книги по методологии и историографии. Взаимодействие индивидуальности ученого и окружающей его научной атмосферы было поставлено во главу угла в монографии 1975 г. о Лаурице Вейбулле. Совершенно новым для исторической науки Швеции того времени был социологический подход Уден,

почерпнутый ею у Т. Куна и еще в большей степени у А.О. Хиршмана.

Историографическая составляющая всегда оставалась в ближнем круге научных интересов Б. Уден. Она была едва ли не первым историком в Швеции, который начал писать о французской школе «Анналов» и вслед за ними осваивать новые исследовательские поля. Кроме того работы Б. Уден, посвященные творчеству женщин-историков, должны рассматриваться скорее как примеры историографических штудий, чем сочинения в рамках женской или гендерной истории, хотя интерес ученого к разработке истории женщин был очевиден и выражался в щедрых советах своим коллегам и в формулировании установочных гипотез в контексте собственных произведений.

С середины 1970-х гг. к сюжетам по методологии и историографии добавилась другая тема – высшее гуманитарное образование и подготовка научных кадров, – получившая наиболее полное отражение в итоговой книге «Изменения в подготовке ученых в 1890-1975 гг. История, политология, культурная география, экономическая история» (1991). Главный вывод работы заключался в отрицании традиционного взгляда на функционирование университетов лишь с точки зрения их сугубо внутринаучных интересов. Переработав мощный арсенал современной социологии, Б. Уден показала, что они интегрированы в общество и всерьез зависят от происходящих в нем процессов.

Социальное звучание темы окружающей среды, начало освоения которой относится к концу 1960-х гг., через десять лет нашло свое логическое развитие в разработке вопросов старости. Б. Уден возглавила междисциплинарный проект «Старики в обществе – прошлое, настоящее, будущее». Взаимоотношения между поколениями, дети, женщины, семья – наиболее типичная тематика Уден после ухода на пенсию в 1987 г. Комплекс экономических, психологических, и моральных аспектов, сопряженных с жизнью пожилых людей как в прошлом, так и в современном социуме, оказались в центре внимания историка. Она изучала не только социальные, но и экзистенциальные аспекты старости, включая добровольный уход из жизни и утешение, получаемое человеком перед смертью. В этих работах ярче всего проступила связь шведского историка с традициями школы «Анналов». Очевидная междисциплинарность тематики позволила использовать методы социологии, гериатрии и социальной медицины, в проектах с ее участием работали

представители различных гуманитарных и естественных наук из разных стран. В 2005 г. Биргитта Уден стала лауреатом Большой Геронтологической премии «за выдающийся и достойный подражания» вклад в науку.

Биргитта Уден постоянно находилась в поиске и практически никогда не ограничивалась только историческим полем исследования, но «переходила границы» смежных дисциплин, причем не только гуманитарных. Ее ментальность – это, без сомнения, ментальность действия. Выйдя на пенсию, Уден написала гораздо большее количество произведений, чем за время службы в университете.

Гармония личного и общественного проявлялась на всех этапах творчества Биргитты Уден: интерес к экономической истории был обусловлен естественнонаучной и гуманитарной дихотомией ее семьи, а тема диссертации – желанием продолжить начатую старшим коллегой (Эрик Лённрут) работу. Насущные проблемы общества продиктовали поворот в сторону социальной истории: эмиграция, окружающая среда, подготовка научных кадров в гуманитарных науках и еще в большей степени – старость. Занимаясь проблемами пожилых, Б. Уден как бы ставила эксперимент, одним из участников которого была она сама, ее близкие и родные. В частности, она использовала переписку с безнадежно больной подругой как источник для написания книги об утешении, получаемом человеком на самом последнем отрезке жизни. Историкографические штудии были вызваны запросами радикализованного студенчества 1960-х гг. Эта научная задача решалась Уден на протяжении всей жизни. К своему девяностолетнему юбилею в 2011 г. Биргитта Уден выпустила замечательную книгу: «Стуре Булин – историк эпохи Второй мировой войны». Эта монография была задумана не только как дань любимому учителю, но и как аргументированный ответ на несправедливую критику в его адрес. Таким образом, историк выполнил свой профессиональный и моральный долг как перед своими предшественниками, так и перед обществом в целом.

В.А. Филимонов (Сыктывкарский ГУ)

**Антиковеды – авторы «Энциклопедического словаря»
Брокгауза и Ефрона в коммуникативном пространстве
Н.И. Кареева**

Ни одно из исследований жизни и наследия выдающегося российского историка и социолога Н.И. Кареева (1850–1931) не обошлось без констатации факта его работы по редактированию исторического отдела самой авторитетной дореволюционной энциклопедии – «Энциклопедического словаря», издававшегося Ф.А. Брокгаузом и И.А. Ефроном. Первоначально издание состояло в основном из переводов на русский язык статей немецкого оригинала Brockhaus Conversations Lexikon, с небольшой адаптацией для русского читателя. Первые 8 полутомов (до буквы «В»), вышедшие под общей редакцией проф. И.Е. Андреевского, вызвали массу претензий к качеству перевода и руководству изданием.

Новый период в истории энциклопедии начался с приглашения в состав редакции многих выдающихся ученых того времени, в том числе и Кареева. Это в конечном итоге привело к тому, что оригинальные статьи получили преобладание над переводными, компилятивными и из тривиальной энциклопедии превратилось в собрание новейших достижений и открытий во всех областях науки и техники.

Фамилия Кареева как редактора исторического отдела появляется на титуле 9-го полутома «Буны-Вальтер» (1891), однако, похоже, что первоначально он использовал материал, подготовленный старой редакцией и только с 10-го полутома статьи начинают атрибутироваться подписью автора.

Нами был проведен мониторинг всех томов Словаря на предмет авторства статей по античной истории. Всех авторов (25 чел.) можно условно разбить на 2 группы. В первую мы включили специалистов-антиковедов, имеющих ученую степень и работавших над конкретными статьями по близкой им проблематике по личной просьбе редактора. Это коллеги Кареева по Петербургскому университету профессора Ф.Ф. Зелинский (10 антиковедческих статей), И.И. Холодняк (3), М.Н. Крашенинников (ст. «Курия»), приват-доценты А.Н. Щукарев (108) и Е.М. Придик (12), а также антиковеды из других университетов: Ф.Г. Мищенко (проф., Казань, 63 статьи), В.И. Модестов (в недавнем прошлом проф. Новороссийского университета, вышедший на пенсию и проживавший в Риме, 27), В.П. Бузескул (проф., Харьков, 12), А.М. Придик (приват-доцент, Дертп, 31). В период сотрудничества со «Словарем» защитил в Петербурге магистерскую (1899) и докторскую (1903) диссертации М.И. Ростовцев (19 статей). К этой же группе примыкают известные исследователи, писавшие статьи по

другим разделам всемирной и российской истории и при этом выступавшие как авторы по греко-римской проблематике: И.М. Гревс (приват-доцент, а затем профессор СПб. университета, 5 антиковедческих статей, а всего – 29), профессор Московского университета М.С. Корелин (10, всего – 45), В.И. Герье (ст. «Рим, город», всего – 12), приват-доцент университета Св. Владимира в Киеве Е.В. Тарле (ст. «Тридцать тиранов», всего – 39).

Вторую группу составили молодые исследователи, которые специализировались на античности и работали на договорной основе (за гонорар): Н.П. Обнорский (597), А.К. Васильев (22 статьи), Р.Х. Лепер (16), З.С. Сувальский (9), а также авторы статей по разным разделам истории, в том числе и греко-римской: А.М. Ловягин (34 статьи по античности, а всего – 89), А.Г. Готлиб (24, всего – 84), Д.Д. Каринский (22, всего – 71), С.Л. Степанов (14, всего – 34), П.А. Конский (5, всего 127), М.Г. Васильевский (ст. «Рабство», всего – 21), В.А. Мякотин (ст. «Вер Луций», всего – 100). Большинство авторов второй группы были хорошо знакомыми редактору выпускниками историко-филологического факультета Петербургского университета, оставленными для приготовления к профессорскому званию, а последние трое – учениками Кареева. В списке авторов можно выделить возрастные группы: от 19 до 29 лет на момент публикации первой статьи – 10 чел.; от 30 до 39 – 11 чел.; 40 лет и старше – 4 чел.

Результаты мониторинга показали, что Карееву пришлось проделать огромную работу по редактированию статей – только по истории античности их общее число составило более 1000. Смелое решение редактора по формированию команды с привлечением, как опытных исследователей, так и талантливой молодежи, полностью себя оправдало: для многих авторов работа в «Словаре» стала хорошей стартовой площадкой для обеспечения карьерного роста на научной и педагогической стезе.

В докладе предпринята попытка проследить дальнейшую судьбу авторов «Словаря», особенно тех, чьи биографии оказались слабо отраженными в историографии. Вряд ли нуждаются в представлении имена ученых, внесших значительный вклад в развитие исторической науки: В.И. Герье, Ф.Ф. Зелинского, Ф.Г. Мищенко, В.И. Модестова, В.П. Бузескула, М.И. Ростовцева, И.М. Гревса, М.С. Корелина, Е.В. Тарле, их жизни и творчеству посвящены монографии, диссертации, статьи. Рано умерли и не успели в полной мере раскрыть свой потенциал А.Н. Щукарев (прожил 39 лет), М.Г. Васильевский

(28), З.С. Сувальский (25). Еще до революции ушли из жизни петербуржцы – профессор римской словесности университета И.И. Холодняк и директор 5-й гимназии С.Л. Степанов. В роковом для русской интеллигенции 1918 г., оставшись без работы и средств к существованию, в петроградском госпитале Марии Магдалины умер бывший директор Херсонесского музея И.Х. Лепер. В 1925 г. в возрасте 55 лет скончался ученый секретарь НИИ книговедения, профессор Ленинградского пединститута А.М. Ловягин. В 1932 г. в Семипалатинске умер ссыльный профессор Воронежского университета М.Н. Крашенинников. Революционное лихолетье разметало по разные стороны границы братьев Придики: Е.М. Придик работал в Государственном Эрмитаже главным хранителем отдела древностей, а затем куратором отдела античных монет и умер в Ленинграде в 1935 г. Проработав какое-то время в Ростове-на Дону после эвакуации туда Варшавского университета, профессор древней истории А.М. Придик, смог выехать в Эстонию, где долгое время преподавал в Тартуском университете и умер в 1936 г. В 1937 г., в Праге завершил свой жизненный путь эмигрировавший из Советской России В.А. Мякотин, один из основателей партии народных социалистов. В 1949 г. ушел из жизни зав. кафедрой иностранных языков Пермского университета Н.П. Обнорский. Последним (в 1960 г.) из авторов «Словаря» умер профессор Одесского университета А.Г. Готлиб, в свое время послуживший прототипом Н.А. Татарина, одного из отрицательных героев романа В. Каверина «Два капитана». Дальнейшую судьбу А.К. Васильева, П.А. Конского и Д.Д. Каринского выявить пока не удалось.

Таким образом, редакторская работа Кареева породила своеобразное научное сообщество лидерского типа. Объединенное общим проектом и не связанное географическими и возрастными ограничениями, оно внесло существенный вклад в дело популяризации исторического знания в целом, и антиковедческого в частности.

Н.Г. Шишкина, А.Л. Туркевич
(Удмуртский ГУ, Ижевск)

**Немецкое происхождение профессора В.Е. Майера
в контексте Великой Отечественной войны:
тернистый путь к профессиональному мастерству**

Известный отечественный медиевист профессор Вильгельм (Василий) Евгеньевич Майер (1918-1985) прожил удивительную, насыщенную, но крайне непростую жизнь [Шишкина Н.Г. Василий Евгеньевич Майер: историк и его дело // Средние века. М., 2006. Вып. 67; Шишкина Н.Г., Владыкин В.Е. Биографическая справка и творческое наследие В.Е. Майера // Майер Василий (Вильгельм) Евгеньевич: к 90-летию со дня рождения. Ижевск, 2008]. Немаловажным фактором, сыгравшим здесь свою роль, стало немецкое происхождение Василия Евгеньевича.

По-видимому, предки В.Е. Майера оказались в России во второй половине XVIII в. Среди немецких колонистов весьма значительным было число протестантов-меннонитов, которых в манифестах Екатерины привлекало освобождение от военной службы и «свободное отправление веры». В 1871 г. меннонитами была приобретена земля в д. Кронау Херсонской губернии (сейчас – с. Высокополье Херсонской области Украины), где 6 декабря 1918 г. родился В.Е. Майер. По свидетельству профессора УдГУ А.И. Орловой [Орлова А.И. Благодарю судьбу // Историк и его дело (Серия памяти профессора В.Е. Майера). Ижевск, 2011. Вып. 9], близко знакомой с Василием Евгеньевичем по совместной работе в Ижевском отделении Общества Дружбы СССР-ГДР, его родители были меннонитами, поэтому возможно допустить, что именно в те годы предки В.Е. Майера оказались на Херсонщине.

Родным языком В.Е. Майера был немецкий. В 1937 г. он окончил среднюю немецкую школу в Запорожье, после чего поступил на исторический факультет МГУ, а затем был приглашен в качестве вспомогательного научного сотрудника в Институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б) для работ с рукописями К. Маркса (с 1 марта 1941 г.) [Профессор Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах. Ижевск, 2012. С. 26].

7 июля 1941 г. В.Е. Майер в числе других студентов исторического факультета МГУ ушел добровольцем на фронт. Но вскоре на основании директивы НКО СССР № 35105с от 8 сентября 1941 г. об изъятии немцев-военнослужащих из рядов Красной Армии, предписывавшей «изъять из ... учреждений Красной Армии, как на фронте, так и в тылу, всех военнослужащих рядового и начальствующего состава немецкой национальности и послать их во внутренние округа для направления в строительные части», и приказа ГКО от 5 декабря

1941 г. В.Е. Майер был отозван из рядов РККА и отправлен в трест «Ижлес» г. Ижевска [Там же].

Получив в 1945 г. диплом МГУ, молодой историк вернулся в Удмуртию, фактически теряя возможность заниматься наукой, медиевистикой. Эти слова не являются преувеличением. Вот что писала в те годы Е.А. Миллиор, ученица В.И. Иванова, антиковед, филолог-классик, около 20 лет преподававшая в УГПИ: «1947. Ижевск. Одиночество – интеллектуальное и всяческое. ... Иж<евск> ненавижу. Грязь под ногами уже непролазная, темнота. Дыра дырейшая» [Цит. по: Ермакова Л.Л. Елена Александровна Миллиор: штрихи к портрету // Историк и его дело (Серия памяти профессора В.Е. Майера): Межвуз. сб. Ижевск, 2010. Вып. 8. С. 132-133]. Однако Василий Евгеньевич не опустил руки, а смог использовать те козыри, которые у него имелись: желание заниматься крестьянским вопросом, великолепная школа исторического факультета МГУ и, конечно, блестящее знание немецкого.

Weistümer (Вайстюм, Устав) – документ юридического характера, своеобразный источник, отразивший многие стороны жизни средневековой немецкой деревни. В научный оборот он был введен в середине XIX в. Я. Гриммом, немецким лингвистом, писателем, знатоком древнегерманского права, одним из знаменитых братьев-сказочников. В отечественной историографии обращения к этому источнику были крайне скудными: лишь ряд работ М.М. Смириня о классовой борьбе в Юго-западной Германии. Все это побудило В.Е. Майера обратиться к изучению этих документов. Несмотря на объективные проблемы и затруднения (молодая семья, простое материальное положение, «привязанность» к Ижевску) Василий Евгеньевич работал над выбранной проблемой со стопроцентной отдачей. Он писал М.М. Смирину, своему научному консультанту: «Я подробнейшим образом прочитал 3 тома «Weistümer» Гримма, сделал себе обильные выписки (600 тетрадных страниц мелким шрифтом в одну клетку), работаю теперь над 4-м томом...» [Письма учителю и другу. Из научного наследия профессора В.Е. Майера (подготовка к публикации и комментарии Б.П. Сысоевой-Майер). // Средние века. М., 2009. Вып. 70 (1-2). С. 318]. Он изучал немецкую историографию проблемы, для чего ему приходилось выписывать необходимую литературу из Москвы и Ленинграда. Несмотря на статус высленца, не упуская возможности побывать в Москве, чтобы встретиться с научным руководителем, получить необходимые консультации, работать в библиотеках, для чего ему приходилось регулярно отпрашиваться

в МВД и отмечаться на станциях. Упорство и целеустремленность принесли свои положительные плоды: в 1955 г. В.Е. Майер защитил кандидатскую диссертацию в МГУ [Майер В.Е. Уставы (Weistümer) как источник по изучению положения крестьян Германии в конце XV – начале XVI в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1955. 19 с.].

Это событие во многом стало переломным в жизни В.Е. Майера. Стабилизировалось его положение в УГПИ, улучшилась материальная ситуация. Но и в последующие годы немецкое происхождение продолжало оказывать свое влияние на судьбу ученого. Несмотря на то, что Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. снимал правовые ограничения в отношении спецпоселенцев, он не возвращал им право возвращения на места прежнего жительства. Таким образом, возвращение в МГУ оставалось невозможным. Тем не менее, занятия немецкой аграрной историей были продолжены (следствием чего стала успешная защита докторской диссертации в 1968 г. [Майер В.Е. Развитие производительных сил сельского хозяйства и аграрные отношения в Германии в XIV-XVI вв.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1968. 33 с.]), а к ним добавилась активная преподавательская работа, в том числе и на факультете романо-германской филологии и существенная общественная нагрузка, например, в Ижевском отделении Общества Дружбы СССР-ГДР, где В.Е. Майер был бессменным руководителем.

Довольно многое в жизни В.Е. Майера было определено его происхождением. Но, как кажется, все это – лишь «внешние» границы жизни, гораздо важнее ее внутреннее содержание. И его Василий Евгеньевич формировал сам упорным, кропотливым трудом, настойчивостью, постоянным самосовершенствованием. Помимо сугубо научных успехов, он смог добиться признания в удмуртском вузе (здесь он был одним из первых докторов наук и профессоров), где, после реорганизации пединститута в университет, в 1972 г. стал проректором по научной работе (1972-1976). Профессор Майер – великолепный специалист, блестящий педагог и ответственный гражданин – сам создавал свою судьбу.